

DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2024.144.171>

ПАРТИЯ ЭСЕРОВ И АРМИЯ В УСЛОВИЯХ РЕВОЛЮЦИОННОГО КРИЗИСА В 1917 ГОДУ

Научная статья

Холяев С.В.^{1,*}

¹ ORCID : 0000-0002-4148-2929;

¹ Ярославский государственный технический университет, Ярославль, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (holyaevsv[at]ystu.ru)

Аннотация

В статье рассматривается влияние партии эсеров на внутреннюю ситуацию в России после февральских событий 1917 года, и последствия возникшего революционного кризиса на российскую армию, продолжавшую участвовать в Первой мировой войне. Главная партия Февраля, эсеры, не сумела противостоять в ходе революции различным национальным движениям, деятельность которых поставила Россию на грань территориального распада. Ход военной кампании предопределялся солдатскими настроениями. «Самодержавие солдата» оказалось страшнее самодержавия царя. Единственной мерой расправы над революционным солдатом, почувствовавшим полную безнаказанность, мог быть лишь роспуск революционизировавшейся армии, что и осуществили большевики на рубеже 1917-1918 годов.

Ключевые слова: социалисты-революционеры, федерализация России, армия, Николай II, летнее наступление Временного правительства.

THE SOCIALIST REVOLUTIONARY PARTY AND THE ARMY IN THE REVOLUTIONARY CRISIS OF 1917

Research article

Kholyaev S.V.^{1,*}

¹ ORCID : 0000-0002-4148-2929;

¹ Yaroslavl State Technical University, Yaroslavl, Russian Federation

* Corresponding author (holyaevsv[at]ystu.ru)

Abstract

The article examines the influence of the Social Revolutionary Party on the internal situation in Russia after the February events of 1917, and the consequences of the resulting revolutionary crisis on the Russian army, which continued to participate in the First World War. The main party of February, the Social Revolutionaries, failed to oppose the various national movements during the revolution, whose activities brought Russia to the brink of territorial disintegration. The course of the military campaign was predetermined by soldiers' sentiments. "The autocracy of the soldier" turned out to be more terrible than the autocracy of the Tsar. The only measure of reprisal against the revolutionary soldier, who felt complete impunity, could only be the dissolution of the revolutionized army, which was carried out by the Bolsheviks at the turn of 1917-1918.

Keywords: Socialist-Revolutionaries, federalization of Russia, army, Nicholas II, summer offensive of the Provisional Government.

Введение

Сегодня в общественном мнении устоялась точка зрения, согласно которой большевики были предателями Родины, а эсеры и меньшевики – оборонцами, и потому патриотами. Но такое представление было далеко от истины: позицию эсеров в вопросе о войне трудно назвать патриотической. Дело в том, что эсеры считали, что после войны, в случае победы, Россия не должна получать от противника в качестве компенсации за понесенные потери никаких территорий и денежных вознаграждений. В условиях 1917 года предложение мира без аннексий и контрибуций означало односторонний отказ страны от вознаграждения за понесенные потери (поскольку союзники России – Великобритания и Франция – от аннексий и контрибуций отказываться не собирались) [19, С. 483-484].

Зато постановка проблемы, выдвинутая эсерами, устраивала союзников России, которые, согласно прежним, дофевральским договоренностям, были обязаны передать ей часть территорий, принадлежавших прежде Германии и ее союзникам (Австро-Венгрии, Турции и Болгарии).

Основная часть

Эсеры обвиняли царское правительство в том, что оно, предъявляя территориальные претензии на все «германское наследство» в Турции, угрожало «самыми серьезными осложнениями в отношениях между союзниками». Трудовая Россия, утверждали эсеры в декларации, составленной в Лондоне незадолго до Февраля, не имеет великодержавных претензий [6, С. 37]. Особенно много внимания в данной декларации уделялось польскому вопросу. Стремление Николая II объединить Польшу под началом России, присоединив к «русской» Польше территории, полученные Пруссией и Австрией в ходе польских разделов XVIII века, было названо «фальшивым и неискренним обращением», издевательством «над страданиями и заветнейшими мечтами польского народа» [6, С. 37].

Но наибольший шквал обвинений «самой русской социалистической партии» вызвало намерение России присоединить к основной части Украины Галицию. По мнению подписантов декларации М. Библова и Ю. Гарденина, Галиция представляла собой «очаг самостоятельной духовной культуры украинского народа», в пределах России издавна терпевшего систематическое преследование [6, С. 37]. Эсеры увидели в потенциальном присоединении

Галиции практическую угрозу для воплощения в жизнь своей партийной программы. Поскольку, по их мнению, обрусение украинцев окончательно завершало консолидацию «великорусского племени» и делало неизбежным его преобладание над всеми другими народностями, входящими в состав России [6, С. 37]. И, значит, становилась невозможной федерализация России, и затруднялась реализация важного для революционеров того времени принципа права наций на самоопределение. «Право нации на самоопределение – это ведь право на жизнь, это право священное и неприкосновенное. И потому естественно предполагать объединение человечества на федеративных началах снизу вверх» [11, С. 2].

Эсеровская программа федерализации России объективно вела к распаду России. Характерно, что никакой благодарности к ним национальные социалисты не испытывали. Так, белорусский социалист Т. Шаповал утверждал, что Россия всегда душила другие народы, как удав кроликов. И без царя стала душить еще больше! [11, С. 2].

В этом плане показательна судьба самой партии социалистов-революционеров на Украине. Украина являлась одним из главных центров распространения партии: одними из первых, на рубеже XIX-XX веков, партийные организации возникли в Полтавской, Харьковской и Киевской губерниях. Как и по всей России, деревня считала здесь «своей» единственную партию – партию эсеров. Целые села и деревни причисляли себя к с.-р.: партия стала массовой. Но сразу после победы революции в крестьянских массах большим спросом начала пользоваться украинская партия социалистов-революционеров. В Полтавской и Харьковской губерниях все сельские организации перешли к украинской партии. Правильные взаимоотношения между двумя партиями, общероссийской и украинской, установились в немногих местах. Чаще всего их взаимоотношения были враждебными: общероссийскую ПСР обвиняли в шовинизме, несмотря на то, что та поддерживала украинскую партию в требовании созыва отдельного Украинского Учредительного собрания [12, С. 98, 100-101]. Следовательно, эсеры были органически не способны противостоять всевозможным национальным движениям, активизировавшимся в ходе революции и защитить Россию от распада.

В сложных условиях начинавшегося распада страны самым пострадавшим социальным институтом оказалась армия. Новые революционные власти февральской России не учли одного важного момента: с отречением от престола Россия потеряла не только монарха, но и Верховного главнокомандующего. Бывший управделами Совета министров А.Н. Яхонтов в 1924 году, уже находясь в эмиграции, писал по этому поводу: «в час величайшей разрухи на фронте (подразумевается 1915 год – С.Х.) одна весть – «царь с нами» быстро подбодрила русское воинство, тогда как в момент всесторонней технической, материальной и моральной готовности армии к близкой победе два жутких слова – «царя нет» превратили стройные полки в вооруженные банды озверелых людей...» [17, С. 472].

Первоначально, весной 1917 года, генералы еще были настроены достаточно оптимистично. М.В. Алексеев, фактически выполнявший обязанности Верховного, в письме от 12 марта к новому военному министру А.И. Гучкову, был проникнут оптимизмом. «... Бог даст, армия переживет острый кризис более или менее благополучно...». Алексеев допускал возможность понижения боеспособности армии, но надеялся на ее временность [3, С. 458]. Генералы и офицеры в основной массе поверили обещаниям Временного правительства в союзе со странами Антанты довести войну с Германией до победного конца [21, С. 13]. Генералы в те дни увидели в революции лишь некоторые беспорядки, которые могут помешать успешному продолжению войны. У руководства армии превалировал мотив сохранить армию для продолжения войны.

Настроения высшего генералитета в решающий момент – не революции, а войны – лучше всех сформулировал А.И. Солженицын. «“Спасти Армию” – спасти 13 армий, 40 корпусов – от десятка необученных запасных батальонов! В северо-западном уголке страны вздыбилось сумрачное творение Петра – и чтобы “спасти” 7 миллионную боевую армию от искушения изменить присяге, – им, Главнокомандующим, теперь следовало первым поспешно изменить собственной присяге!» [18, С. 9].

Солженицын обвиняет Алексеева в том, что тот позволил втянуть себя в переговоры с мятежной столицей. Трудно удержаться от соблазна и не поместить в качестве примера одно из тех сообщений, которые поступали в Ставку к Алексееву, чтобы увидеть, на основании чего он выстраивал свою политику. «Частные сведения говорят, что 28 февраля в Петрограде наступило полное спокойствие, войска примкнули к Временному правительству, в полном составе, приводятся в порядок. Временное правительство под председательством Родзянко заседает в Государственной думе и пригласило командиров воинских частей для получения приказаний по поддержанию порядка» [10, С. 627].

Алексеев, получив сообщения о «благополучном» течении событий в столице, начал самостоятельно информировать верхи армии о положении в Петрограде. Телеграмма об «успокоении» была отправлена командующим фронтами между 1 и 2 часами 1 марта, причем в телеграмме командующему Северным фронтом Н.В. Рузскому, в штабе которого, располагавшемся в Пскове, находился тогда Николай II, была сделана дополнительная приписка. «Доложить его Величеству все это и убеждение, что дело можно привести мирно к хорошему концу, который укрепит Россию» [10, С. 627]. Таким образом, командующие фронтами давали рекомендации Николаю II отречься от престола, находясь в положении, когда они не знали реальных событий и оттого их советы были глубоко неверны.

Удивительно, что в такой ситуации, они еще посылали такие телеграммы, как генерал В.В. Сахаров, возглавлявший Румынский фронт. «Горячая любовь моя к Его Величеству не допускает душе моей мириться с возможностью осуществления гнуснейшего предложения, переданного Вам председателем Думы. Я уверен, что не русский народ, никогда не касавшийся царя своего, задумал это злодейство, а разбойная кучка людей, именуемая Государственная дума, предательски воспользовалась удобной минутой для проведения своих преступных целей» [1, С. 347-348].

Через несколько дней, 8 марта, генерал Сахаров сумел взять, хотя и запоздалый, но маленький реванш над ушедшей в небытие Государственной думой. Председатель Думы М.В. Родзянко направил в действующую армию, в том числе и на Румынский фронт, обращение к солдатам и офицерам от имени своего учреждения. «Братья офицеры и солдаты, враг не дремлет и зорко следит за вами и за нами. Падение старой власти встревожило его... но у него

осталась одна надежда, коварная надежда... Он крепко надеется на несогласие между офицерами и солдатами» [15, С. 38].

Сверху, от штаба Верховного главнокомандующего пришло указание о необходимости распространить в армии воззвание Государственной думы. Генерал Сахаров сообщил, что передавать данное воззвание в подчиненные ему армии не разрешил, тем более что сущность его войскам уже сообщена. «Вместе с сим ходатайствую о разрешении подобные вещи, имеющие редакцию явно направленную к возбуждению солдатских умов и к натравливанию их на офицеров, объявлять не дословно, а лишь по существу; ибо в противном случае разлад в армии со всеми грустными последствиями оно неминует» [15, С. 40-41].

Вскоре и генералы поняли, что с началом революции ситуация безнадежно изменилась в сторону ухудшения. А.А. Брусилов, чей Юго-Западный фронт должен был стать главным в ходе наступления, первым признал негативное воздействие переворота на действующую армию. «Малоразвитый солдат понял это как освобождение от “офицерского гнета”. Офицеру же нанесли обиду... оказалось, что свобода дана только солдатам, а офицерам пришлось довольствоваться только ролью каких-то париев свободы» [3, С. 468].

Революция нанесла колоссальный удар по боеспособности армии. Войска стремительно теряли дисциплину. В прифронтовой полосе процветали насилие и мародерство. В полках вопрос выполнять или нет приказы командования решался на уровне солдатских митингов. Большинство голосов солдаты могли отменять приказ командования [20, С. 170].

Но революция не отменила необходимости наступления. И политической силой, наиболее заинтересованной в организации наступления, неожиданно оказались недавние противники войны – все те же эсеры и меньшевики, практически вытеснившие либералов из власти. Меньшевик В.Б. Станкевич считал наступление полезным, поскольку только ценою войны на фронте можно «купить порядок в тылу и армии» [7, С. 63].

Новым обладателям власти хотелось доказать критикам и справа (либералам), и слева (большевикам), что они умело распорядятся властными полномочиями. К тому же они были романтиками и хорошо помнили историю французской революции. Им хотелось повторения «чуда Вальми», где молодая революционная армия в 1792 году разгромила хорошо обученные войска интервентов [8, С. 398-399]. Они не учитывали принципиального различия ситуации во Франции и в России. Французская армия в основном состояла из крестьян, уже получивших дворянскую землю: им было что терять и за что сражаться. А русские крестьяне, одетые в серые шинели, помещичью землю еще не получили, и воевать за непонятные для них интересы не хотели.

Поэтому для эсеров и меньшевиков, если бы они действительно были такими интернационалистами, было бы намного лучше, не выходя сразу, в одностороннем порядке, из войны, свести к минимуму участие в ней России, заявив о всяком отказе от наступательных операций, ограничившись исключительно поддержанием обороны, и приступить к поиску путей мирного выхода из войны.

Профессиональные военные оценивали сложившуюся обстановку реалистичнее. Новый Верховный главнокомандующий М.В. Алексеев приходил к выводу, что армии должны сидеть спокойно, не предпринимая «решительной, широкого масштаба операции» [3, С. 461]. Тем более, в отличие от весеннего наступления 1917 года, готовившегося в предреволюционный период, летнее наступление, замышлявшееся при Временном правительстве, не несло большой пользы общесоюзному делу, так как представляло собою лишь изолированный удар, легко отбиваемый немцами при помощи подкреплений, присланных с Западного фронта [3, С. 461].

Но больше всего приходилось умеренным социалистам полемизировать с большевиками, прилагавшими отчаянные усилия по срыву наступления. При содействии умеренных социалистов была создана специальная организация «Военная лига». Через нее меньшевики и эсеры стремились доказать радикальной части общества, симпатизирующей большевикам, что наступление необходимо именно революции и не несет угроз ее дальнейшему развитию. За радикализмом большевиков, доказывали они, стоят контрреволюционные силы, жаждущие провала наступления, так как не верят в способность социалистов успешно вести боевые действия.

В листовке, предназначенной для солдат, они утверждали.

«Солдаты

В спину нашего народа, нашей свободы, нашего государства занесен предательский нож... Партия большевиков зовет вас на улицу...». «Вас зовут демонстрировать В ПОЛЬЗУ РЕВОЛЮЦИИ, А НАМ ИЗВЕСТНО, ЧТО ВАШИМ ВЫСТУПЛЕНИЕМ ХОТЯТ ВОСПОЛЬЗОВАТЬСЯ КОНТР-РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ.

МЫ ЗНАЕМ, ЧТО КОНТР-РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ ЖАДНО ЖДУТ МИНУТЫ, КОГДА МЕЖДУУСОБИЦА В РЯДАХ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ДЕМОКРАТИИ ДАСТ ИМ ВОЗМОЖНОСТЬ РАЗДАВИТЬ РЕВОЛЮЦИЮ» [14, С. 65].

Эсеры и меньшевики находили в солдатах определенный отклик. Взгляды значительной части рядового состава немногих боеспособных частей были близки к позиции правого крыла Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. В солдатских комитетах этих частей преобладали эсеры и меньшевики [3, С. 451].

Хорошо известны ударные части генерала Корнилова. Менее известно, что такие ударные отряды формировались и другими силами, особенно революционно настроенными. Волонтерское движение было характерно для эсеровской среды. Некоторые из эсеров, к началу Первой мировой войны находившиеся в эмиграции, либо поступали добровольцами в армию того государства, где проживали, чаще всего во французскую, либо возвращались домой, в Россию [4, С. 2]. Центральной фигурой в волонтерском движении становился эсер. Уже к 1915 году увеличился их вес в командных слоях царской армии, а к 1917 году средний и низший командный состав армии в значительной части состоял из эсеров [16, С. 84].

У идеи формирования ударных частей было много авторов. Одним из них был инженер кн. С.В. Кудашев, подготовивший докладную записку «О создании в армии ударных единиц, способных жертвовать собой и увлечь других» на имя военного министра А.И. Гучкова. Инженер писал: «чтобы превратить армию из армии освобожденных рабов в армию свободных граждан... необходимо... демонстрировать в армии доблесть и организовать части, которые

увлекали бы на подвиг остальную массу... во всех армиях... неотлагательно создать особые "ударные" единицы, большей частью обреченных на истребление, которые должны быть составлены исключительно из добровольцев, так как подвиг может быть таковым, только если он явится результатом свободной воли» [5, С. 1-2].

Горячим сторонником формирования ударных частей из добровольцев, набранных в тылу, был генерал А.А. Брусилов. Инициатива Брусилова встретила решительное противодействие у главковерха Алексева и его начальника штаба А.И. Деникина. Деникин говорил о затратности времени и материальных ресурсов, требующихся для подготовки необученных добровольцев, направлявшихся из тыла на фронт. «Просил бы сначала обратить внимание на честные элементы... фронта, не рассчитывая широко на спасение извне» [14, С. 17].

Но мнение Алексева ничего уже не значило, так как 22 мая он был снят с поста Верховного и заменен именно Брусиловым. Деникин же был назначен командующим Западным фронтом, вместо другого «тяжеловеса» русской военной иерархии генерала В.И. Гурко [20, С. 167-168].

Спор между двумя крупнейшими военачальниками носил не хозяйственный, а принципиальный характер. Генерал Алексеев, и поддерживавший его Деникин, старались ограничить проникновение на фронт революционных, социалистических элементов, видя в них угрозу еще большего падения воинской дисциплины. Брусилов был настроен оптимистичнее и полагал, что усилия умеренных социалистов будут направляться на укрепление, а не на развал дисциплины. В приказе, который Брусилов издал, вступив в должность главковерха, он подчеркивал: особые ударные революционные батальоны тыла формируются «при поддержке Совета крестьянских депутатов и Совета солдатских и рабочих депутатов» [14, С. 8].

При этом им была воспринята и деловая часть предложений Деникина. Революционные ударные батальоны было решено создавать с привлечением добровольцев тыла. Действующей армии предлагалось образовать в составе своих дивизий ударные и штурмовые части. «Эти ударные части ничего общего с революционными батальонами иметь не будут, и не будут нарушать основной организации» [14, С. 58].

В ударные соединения поступали лучшие солдаты и офицеры из разлагавшихся пехотных частей. В разлагающихся частях положение воинов, желавших исполнить патриотический долг, становилось просто нетерпимым. Повлиять на настроения основной солдатской массы они никак не могли, и само их пребывание в рядах данных частей начинало угрожать самой жизни этих людей, так как основная масса видела в них помеху для братаний и дезертирства. Уход в ударные части позволял им жить без постоянной угрозы избиений.

Первоначальный успех наступления, бесспорно, обеспечили ударные соединения. Начало наступления показало, каким могло быть весеннее наступление 1917 года, если бы не произошла революция. Разработка штабами наступления производилась образцово. Для подготовки атаки сосредотачивались еще небывалые в русской армии артиллерийские и технические средства. На участках главного удара плотность артиллерии достигала 40 орудий на километр: никогда прежде русская артиллерия не располагала такой орудийной мощью. Артобстрел продолжался в течение двух дней, не прекращаясь ни днем, ни ночью. Артиллерия буквально смела с лица земли все укрепления противника. Только после этого в бой пошла пехота [3, С. 471], [20, С. 171].

Активными сторонниками наступления проявили себя генерал А.А. Брусилов и А.Ф. Керенский, удачно дополнявшие друг друга. Один сохранял надежду на возможность успешности наступления, а другой видел в удаче наступления перспективу продолжения политической карьеры. Энтузиазм этих двух лиц привел к принятию решения о нужности наступления, несмотря на сопротивление многих генералов. Для Керенского вопрос о наступлении был настолько важным, что он хотел присутствовать лично при происходящем. А так как дела задержали его в столице, первоначально намеченная дата наступления отодвинулась на четыре дня, с 12 на 16 июня [20, С. 169, 170-171].

Первая атака ударников была успешной. За один день в плен взяли свыше десяти тысяч солдат и офицеров. Особенно ярко выглядели успехи 8-й армии, которой командовал Л.Г. Корнилов [20, С. 171-172]. Но успех 8-й армии не поддержали другие армии Юго-Западного фронта (7-я и 11-я) [13, С. 96], [7, С. 67]. Общие потери армии в ходе наступления Юго-Западного фронта были, по сравнению с потерями, выдерживаемыми до революции, сравнительно невелики: 1222 офицера и 37500 солдат. Но, учитывая, что большинство потерь относилось к отборным, ударным соединениям, приведенные цифры были огромны. Они означали почти полное уничтожение элементов долга, посредством которых командный состав хоть как-то поддерживал в армии некоторый порядок [3, С. 472].

Большая часть пехоты фронта проявила себя трусливо. Были случаи, когда полки, после сверхудачной артподготовки, подходя к бывшим позициям противника, возвращались назад под предлогом, что наша артиллерия разрушила неприятельские окопы и им негде ночевать. 11-я и 7-я армия топтались на месте, поскольку пехота не хотела наступать [3, С. 471].

Используя замешательство в наступающих русских войсках, германские войска нанесли в начале июля мощный контрудар в стык 7-й и 11-й армий, осуществив знаменитый Тарнопольский удар [7, С. 67]. Полки и дивизии превратились в неуправляемую массу. Офицеры, пытавшиеся удержать солдат на позициях, рисковали жизнью. За попытку остановить бегство с передовой был убит солдатами командир 22-го гренадерского Суворовского полка подполковник Рыков. Главнокомандующий фронтом генерал А.Е. Гутор приказал расформировать мятежный полк, но это ситуацию не изменило [20, С. 172].

Вся грандиозная затея с наступлением, в которую Керенский вложил столько сил и энергии, обернулась ужасной катастрофой. Начался беспорядочный, а порой и панический, отход войск. Многие части, в том числе и в 8-й корниловской армии, захлестнула волна анархии. Городки и села по пути отступления подвергались погромам и мародерству [7, С. 67].

Брусилов окончательно разочаровался в возможности армии продолжать войну. Неудачное наступление вынудило Брусилова изменить прежнюю позицию: он потребовал от правительства восстановить единоначалие в армии и устранить из армии комиссаров и солдатские комитеты. По его мнению, «работа комитетов и комиссаров не удалась» [7, С. 80]. Тектонические процессы происходили и в солдатской среде. Прежние войсковые комитеты, состоявшие из

эсеров и меньшевиков, казались теперь солдатам безнадежно правыми по политической шкале [3, С. 480]. Офицерско-генеральская среда оказалась неспособной противостоять солдатскому радикализму.

Заключение

Февраль стал непреодолимым препятствием для дальнейшего продолжения войны Россией. И основную долю вины за военные неудачи 1917 года несут не большевики. Ответственность за начавшийся развал армии лежала на тех, кто пришел к власти в февральско-мартовские дни. Весь ход военной кампании в ходе развития революции предопределялся солдатскими настроениями. Лишившись царя, армия теряла главную опору, и данный фактор вносил смятение в солдатские умы. «Самодержавие солдата» оказалось страшнее самодержавия царя. Развращенная свободой армия была страшнее не для врага, а для собственного населения. Единственной доступной мерой расправы с солдатом, почувствовавшим вкус полной свободы и безнаказанности, мог быть лишь роспуск такой армии, что и осуществили большевики на рубеже 1917-1918 годов. Без императора армия превратилась в массу анархистов, желавших лишь скорее вернуться домой. Столь разительно изменился характер армии, проведенной три года в жесточайшей войне, за каких-то полгода революции.

В результате политики, проводившейся пришедшими к власти в февральские дни 1917 года политическими силами, включая главную партию Февраля, социалистов-революционеров, авторитет России упал до минимума. Теперь с Россией, как одной из самых влиятельных прежде стран-участниц Первой мировой войны, не считались не только ее противники (Германия), но и бывшие союзники (прежде всего Великобритания). Дошло до того, что в октябре 1917 года, незадолго до октябрьского переворота, американский и французский послы потребовали от Временного правительства допущения на территорию России французских и американских войск, якобы для защиты своего имущества, имевшегося внутри России, сохранность которого, по их утверждениям, российское правительство не способно было обеспечить [2, С. 490], [9, С. 692].

Политика эсеров вела к усилению вражды и ненависти в российском обществе. Положение в стране к осени 1917 года становилось катастрофическим. Только в условиях надвигающегося кризиса, вызванного деятельностью февралистов, появился шанс на успех у большевиков.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Валитов А.А.,

DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2024.144.171.1>

Conflict of Interest

None declared.

Review

Valitov A.,

DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2024.144.171.1>

Список литературы / References

1. Боханов А.Н. Николай II / А.Н. Боханов. — М.: Русское слово, 1997. — 446 с.
2. Васюков В.С. Внешняя политика Временного правительства / В.С. Васюков. — М.: Мысль, 1966. — 497 с.
3. Головин Н.Н. Россия в Первой мировой войне / Н.Н. Головин. — М.: Вече, 2006. — 528 с.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). — Ф. 102. — Оп. 246. — Д. 9.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). — Ф. 555. — Оп. 1. — Д. 228.
6. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). — Ф. Р-5847. — Оп. 1. — Д. 113.
7. Иоффе Г.З. «Белое дело». Генерал Корнилов / Г.З. Иоффе. — М.: Наука, 1989. — 291 с.
8. Карлейль Т. История Французской революции / Т. Карлейль. — М.: Мысль, 1991. — 575 с.
9. Минц И.И. История Великого Октября. Т. 2 / И.И. Минц. — М.: Наука, 1978. — 1008 с.
10. Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II / С.С. Ольденбург. — М.: Терра, 1992. — 640 с.
11. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). — Ф. 274. — Оп. 3. — Д. 17.
12. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). — Ф. 274. — Оп. 5. — Д. 2.
13. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). — Ф. 2003. — Оп. 1. — Д. 63.
14. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). — Ф. 2003. — Оп. 2. — Д. 347.
15. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). — Ф. 2003. — Оп. 2. — Д. 1030.
16. Семенова Е.Г. Партии российской революционной демократии в годы первой мировой войны / Е.Г. Семенова. — М.: Изд-во МАДИ (ТУ), 1998. — 134 с.
17. Совет министров Российской империи в годы первой мировой войны. Бумаги А.Н. Яхонтова (записи заседаний и переписка) / Б.Д. Гальперина. — СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. — 559 с.
18. Солженицын А.И. Размышления над Февральской революцией / А.И. Солженицын // Брошюра в газете. Российская газета. — 2007. — 27 февраля.
19. Соломон Г.А. Среди красных вождей / Г.А. Соломон. — М.: Современник, 1995. — 510 с.
20. Федюк В.П. Керенский / В.П. Федюк. — М.: Молодая гвардия, 2009. — 406 с.
21. Чапкевич Е.И. Русская гвардия в Февральской революции / Е.И. Чапкевич // Вопросы истории. — 2002. — № 9. — С. 3-16.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Bohanov A.N. Nikolaj II [Nicholas II] / A.N. Bohanov. — М.: Russkoe slovo, 1997. — 446 p. [in Russian]
2. Vasyukov V.S. Vneshnyaya politika Vremennogo pravitel'stva [The foreign policy of the Provisional Government] / V.S. Vasyukov. — М.: Mysl', 1966. — 497 p. [in Russian]

3. Golovin N.N. Rossiya v Pervoj mirovoj vojne [Russia in the First World War] / N.N. Golovin. — M.: Veche, 2006. — 528 p. [in Russian]
4. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF) [State Archives of the Russian Federation]. — Fund. 102. — Inventory 246. — File 9. [in Russian]
5. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF) [State Archives of the Russian Federation]. — Fund 555. — Inventory 1. — File 228. [in Russian]
6. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF) [State Archives of the Russian Federation]. — Fund R-5847. — Inventory 1. — File 113. [in Russian]
7. Ioffe G.Z. «Beloe delo». General Kornilov [The "White case". General Kornilov] / G.Z. Ioffe. — M.: Nauka, 1989. — 291 p. [in Russian]
8. Karlej' T. Istoriya Francuzskoj revolyucii [The History of the French Revolution] / T. Karlej'. — M: Mysl', 1991. — 575 p. [in Russian]
9. Minc I.I. Istoriya Velikogo Oktyabrya. Vol. 2 [The Story of the Great October] / I.I. Minc. — M.: Nauka, 1978. — 1008 p. [in Russian]
10. Ol'denburg S.S. Carstvovanie imperatora Nikolaya II [The reign of Emperor Nicholas II] / S.S. Ol'denburg. — M.: Terra, 1992. — 640 p. [in Russian]
11. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii (RGASPI) [Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI)]. — Fund 274. — Inventory 3. — File 17. [in Russian]
12. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii (RGASPI) [Russian State Archive of Social and Political History]. — Fund 274. — Inventory 5. — File 2. [in Russian]
13. Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv (RGVIA) [Russian State Military Historical Archive (RGVIA)]. — Fund 2003. — Inventory 1. — File 63. [in Russian]
14. Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv (RGVIA) [Russian State Military Historical Archive]. — Fund 2003. — Inventory 2. — File 347. [in Russian]
15. Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv (RGVIA) [Russian State Military Historical Archive]. — Fund 2003. — Inventory 2. — File 1030. [in Russian]
16. Semenova E.G. Partii rossijskoj revolyucionnoj demokratii v gody pervoj mirovoj vojny [The Parties of the Russian Revolutionary Democracy during the First World War] / E.G. Semenova. — M.: MADI (TU) Publishing, 1998. — 134 p. [in Russian]
17. Sovet ministrov Rossijskoj imperii v gody pervoj mirovoj vojny. Bumagi A.N. Yahontova (zapisi zasedanij i perepiska) [The Council of Ministers of the Russian Empire during the First World War. Papers of A.N. Yakhontov (recordings of meetings and correspondence)] / B.D. Gal'perina. — SPb.: Dmitrij Bulanin, 1999. — 559 p. [in Russian]
18. Solzhenicyn A.I. Razmyshleniya nad Fevral'skoj revolyuciej [Reflections on the February Revolution] / A.I. Solzhenicyn // Broshyura v gazete. Rossijskaya gazeta [The brochure is in the newspaper. Rossiyskaya Gazeta]. — 2007. — 27 fevralya. [in Russian]
19. Solomon G.A. Sredi krasnyh vozhdzej [Among the Red Chiefs] / G.A. Solomon. — M.: Sovremennik, 1995. — 510 p. [in Russian]
20. Fedyuk V.P. Kerenskij [Kerensky] / V.P. Fedyuk. — M.: Molodaya gvardiya, 2009. — 406 p. [in Russian]
21. Chapkevich E.I. Russkaya gvardiya v Fevral'skoj revolyucii [The Russian Guard in the February Revolution] / E.I. Chapkevich // Voprosy istorii [Questions of history]. — 2002. — № 9. — P. 3-16. [in Russian]